

УДК 94 (477.75) "1914/1918"

ББК 63.3

Гогунская Татьяна Александровна, к.ист.н., доцент, доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
e-mail: tagogun@mail.ru

КРЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация: в статье показаны перспективы исследований архивных документов по истории Крыма в годы Первой мировой войны, хранящихся в Государственном архиве Республике Крым. Автором использованы в качестве примера архивные фонды, посвященные проблемам народного образования в Крыму в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Крым, архивные документы.

THE CRIMEA DURING THE FIRST WORLD WAR: PERSPECTIVES ON THE ARCHIVAL STUDY

Tatiana Gogunskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of History of Russia, V.I. Vernadsky Crimean Federal University
e-mail: tagogun@mail.ru

The article explores the perspectives on research of the archival documents relative to the history of the Crimea at a time of the First World War. The author uses the archive funds of the State Archive of the Republic of Crimea devoted to the problems of public education in the Crimea during the affected period as an example.

Keywords: First World War, Crimea, archival documents.

Столетняя годовщина событий Первой мировой войны на фоне сложной международной ситуации в современном мире значительно оживила интерес российского общества к глобальному конфликту начала XX века, резко изменившего вектор развития многих государств. Изучение участия Российской империи в Первой мировой войне также остается и актуальной научной задачей, несмотря на наметившуюся в последние годы активизацию усилий отечественных и зарубежных историков по анализу ее различных аспектов. К числу наиболее важных и малоисследованных направлений

относится исследование особенностей развития отдельных регионов империи в годы войны.

Вовлечение в научный оборот новых архивных материалов и отказ от методологической заданности дают современным исследователям возможность не только существенно дополнить прежние подходы, но и в ряде случаев отказаться от некоторых устоявшихся воззрений на историю отечественной провинции периода Первой мировой войны. В этом отношении заслуживает внимания один из важнейших регионов страны – Крымский полуостров, входивший в состав Таврической губернии и являвшийся в годы войны прифронтовой зоной. Массовые мобилизации в действующую армию, обеспечение Черноморского флота и портовых городов, поставки продовольствия для нужд фронта, переориентация промышленности для выполнения оборонных заказов, размещение раненных и беженцев (в городах и курортах Крыма) - вот далеко не полный перечень функций крымского полуострова, благодаря которым он стал участником не только общероссийских, но и глобальных социально-политических процессов. Анализ происходивших событий в Крыму в годы войны на фоне общероссийских тенденций внутреннего развития Российской империи будет способствовать расширению представлений о причинах потрясений 1917 года.

В современной России в преддверии 100-летней годовщины Первой мировой войны были реализованы разнообразные гранты на исследование региональной истории военного периода, изданы интересные книги и защищены диссертации. В Крыму по материалам проведенного осенью 2014 года круглого стола в Центральном музее Таврида «Крым и Причерноморье в Первой мировой войне 1914-1918 гг.» и по инициативе Крымского отделения Российского исторического общества вышел сборник статей «Первая мировая война и Крым» [1]. В нем представлены интересные статьи об участии крымских полков и Черноморского флота в боевых действиях ПМВ, о караимах и санитарных маневрах ЧФ, раскрыты особенности положения прифронтовой губернии – административно-территориальные преобразования, деятельность большевистских организаций, состояние публицистики, театра, туризма. Авторы ввели в научный оборот материалы, почерпнутые из газет того времени, мемуаров, воспоминаний, архивов.

В тоже время крымские архивы по периоду Первой мировой войны исследованы недостаточно и хранят интереснейшие документы о жизни прифронтовой Таврической губернии. Например, в упоминаемом сборнике были использованы только 5 фондов ГАРК из нескольких сотен, содержащих документы этого периода [2].

Материалы для исследований интересующей нас темы сосредоточены в самых разных дореволюционных фондах ГАРК: органов государственной власти и управления (такие как Канцелярия губернатора, градоначальников, губернские присутствия),

органов местного самоуправления,
правоохранительных органов,
общественных организаций,
промышленных предприятий,
транспортных организаций,
социальных структур.

В качестве примера рассмотрим содержание фондов по вопросам народного образования в Крыму и покажем перспективы их исследований для выявления региональной специфики и общероссийских тенденций.

К сожалению, не всегда основные фонды по выбранной теме содержат материалы 1914-1918 годов. Именно такая ситуация с наиболее известными фондами «Дирекции народных училищ Таврической губернии попечителя Одесского учебного округа, г. Симферополь Таврической губернии» и «Инспекции народных училищ попечителя Одесского учебного округа, г. Симферополь Таврической губернии» [3]. В них содержатся документы только до 1913 года, что объясняется трудностями формирования архивных фондов в период Гражданской войны и утратой части архивов в годы Великой Отечественной войны.

С помощью других фондов, например, инспекторов отдельных уездов, содержащих документы за 1914-1918 гг., можно восполнить пробелы в вопросах о положении учебных заведений и действий властей по решению проблем народного образования, а также проследить характерные черты морально-психологического состояния учителей и детей в данный период.

Так, фонд «Инспектора народных училищ Симферопольского уезда Дирекции народных училищ, г. Симферополь Таврической губернии» содержит интересную информацию по выше указанным вопросам [4]:

Из дела «Об экскурсиях 1914-1916» [5] мы узнаем, что несмотря на все тяготы военного времени учебные заведения старались выполнять планы не только учебной, но и воспитательной работы. Дети симферопольских школ выезжали в основном в Бахчисарай, Саки, ст. Альма (Почтовое).

Из дела «О врачебно-санитарном положении училищ...» [6] – о проблемах начала учебного года в положенные сроки в 1914 году из-за размещения войск (формируемых на полуострове запасных частей) в школьных помещениях. При этом мы видим постоянный контроль за ситуацией со стороны инспектора и

регулярные отчеты заведующих народных училищ: перенесение занятий на послеобеденное время, проведение занятий в две смены и т.д.

Интереснейшее дело «Немецкие училища» [7], в котором собраны документы и переписка инспектора с Директором народных училищ по вопросу функционирования немецких училищ. Данные материалы проливают свет на дискуссионные вопросы русификаторской политики русского правительства в XIX – начале XX вв. Архивные документы свидетельствуют, что акцент на увеличении часов на русский язык и перевод на русский язык преподавания с 1 года обучения детей немецкой национальности был сделан только в декабре 1914 года. На немецком языке теперь можно было обучать только родному немецкому языку и Закону Божьему. Через несколько месяцев после начала войны с Германией было решено, что «школа в немецких поселениях должна быть по своему характеру и направлению русскою, отвечающей интересам русского государства», «весь строй школьной жизни определялся и устанавливался по таким началам: Бог, Царь, добрые навыки и полезные знания» [7, л. 34]. При этом мы не знаем свидетельств о массовых случаях предательства и нелояльности немецкого населения Крыма, имевших русское подданство не в одном поколении. Поэтому претензии к учителям немецких училищ об отсутствии у них патриотизма чаще были надуманными, но приводили к закрытию немецких школ и лишению возможности немецких детей получить начальное образование на родном языке. Немецкие общины зачастую не имели финансовых возможностей содержать наряду с учителем-немцем русскую учительницу, а потому предпочитали закрывать вообще училища до лучших времен. В мае 1915 года (после ужесточения требования к учителям и преподаванию в немецких школах) этот процесс стал развиваться активно (до мая не было закрыто ни одной школы), а к осени этого года было закрыто в Симферопольском уезде из 28 колониетских немецких училищ 7. Закрытие школ в большинстве случаев происходило под предлогами бюрократического характера (о невыполнении требований ведения круговых и контрольных тетрадей или пополнения библиотек русскими книгами и т.д.).

Из дела «Протоколы совещания инспекторов народных училищ...» [8] мы узнаем, что, например, осенью 1916 года слушались вопросы о преподавании пения и рукоделия. Пение вводится как обязательный предмет и обращается внимание на подготовку кадров в этой связи на курсах и в гимназиях. Рукоделие должно было безвозмездно преподаваться во всех училищах, где учились девочки. Еще один интересный факт – обсуждалось ходатайство на имя Директора народных училищ о принятии мер в отношении законоучителей из числа священнослужителей в связи с их частыми и продолжительными

пропусками уроков Закона Божьего. Поднимались также вопросы преподавания истории и географии в связи с введением родиноведения и природоведения – в качестве бесед учителя с учениками, направленных на ознакомление с родным краем.

На совещаниях инспекторов народных училищ обсуждались и политические вопросы. Так, в ноябре 1916 года инспекторы единогласно приняли решение ходатайствовать о предоставлении в законодательном порядке права Инспекторам народных училищ присутствовать с правом голоса в заседаниях земских собраний и городских дум. По мнению присутствовавших, это должно было принести пользу в разрешении вопросов народного образования. Стремление участвовать в решении вопросов местного самоуправления становится, видимо, повсеместным.

Накануне Первой мировой войны обсуждался вопрос о передаче мектебов (татарских начальных школ) из подчинения Таврического магометанского духовного правления в ведение Министерства народного просвещения. Это обосновывалось тем, что не было надлежащего надзора за мектебами, употреблялись книги турецкого издания, наблюдалось стремление создать новую мусульманскую школу, которая служила бы орудием объединения мусульман на почве религиозно-национальной и обособления их в ущерб интересам российской государственности. 26 марта 1870 по «Высочайше утвержденным правилам» местные магометанские общества были призваны учреждать русские классы на собственные средства при мектебах и медресе. Но татары, за редким исключением, остались равнодушными к этому призыву и в течение 50 лет русских классов в Крыму было открыто ничтожное количество в сравнении с существовавшим числом мектебов и медресе. Например, на май 1914 года в Симферополе и Симферопольском уезде числилось 14 медресе и 101 мектеб, а русский класс существовал только один при Бахчисарайском медресе. Таким образом, по мнению инспекторов, прозвучавшем на совещании в 1914 году, мусульманская школа в Крыму не вступила на путь сближения с государственной, а, напротив, стала служить интересам мусульманской обособленности.

Несколько дел свидетельствуют о трудностях проектирования и реализации открытия новых начальных училищ [9]. Но в то же время этот процесс не прекращается и в военное время. Так, в марте 1915 года по Таврической губернии Попечителем Одесского учебного округа было возбуждено ходатайство перед Министерством народного просвещения об открытии с 1 июля 1915 года четырех высших начальных училищ.

О проведении мониторинга психологического состояния учащихся в годы

войны говорят архивные материалы дела «Статистика на училища, находящиеся в Симферополе и Симферопольском уезде» [10]. В статистические ведомости по учебным заведениям полуострова (начиная с 1914-1915 учебного года) была внесена новая графа – как война отразилась на поведении и настроениях детей. Среди записей в этой графе были следующие: отмечено желание пойти добровольцем на фронт (бегство на войну), дети часто играют в войну (даже девочки), собирают пожертвования для раненых, шьют мешочки и собирают подарки для раненых и в действующую армию, читают газеты и следят по карте передвижение войск, девочки шьют белье для воинов, поют солдатские песни, маршируют, переписываются с солдатами и офицерами; появляются грустные настроения и снижение успеваемости, случаются частые пропуски занятий, т.к. остаются с младшими детьми, помогают родным (выполняют домашние обязанности ушедших отцов и братьев), подрабатывают и не делают уроки, приходят не всегда чистыми, появилась грубость в отношениях с товарищами, появилась страшная брань «австрийская морда», отмечено желание познакомиться с событиями и местами войны, с жизнью детей наших союзников, а также сильное стремление побывать на месте событий с целью оказания помощи. В 1915-1916 учебном году добавился еще один вопрос - о беженцах, их детях, и трудового участия детей в работах, имеющих отношение к войне.

Таким образом, обобщение деталей, почерпнутых из различных архивных документов, позволяет создать единую картину процессов, происходивших в Крыму в области народного образования и вычленив их специфику на фоне общероссийских в годы Первой мировой войны. Приведенные материалы отражают особенности образовательной политики властей, атмосферы военного времени и настроений населения полуострова. Выводы на основании материалов только одного фонда делать преждевременно, но обозначить направления дальнейших исследований, тем не менее, можно. Некоторые проблемы, особенно межнациональных отношений, и опыт их разрешения в Крыму (например, на уровне народного образования) сохраняют свою актуальность и сегодня. Учитывая все выше изложенное, а также тот факт, что некоторые архивные дела ни разу не использовались, активное привлечение исследователей к изучению массива документов по истории Крыма в годы Первой мировой войны будет интересно и полезно с точки зрения понимания переломных периодов нашей истории и актуализации опыта предшествующих поколений в решении вечных социальных проблем для достижения мира, согласия в общественных отношениях и «процветания в единстве».

Список литературы:

1. Первая мировая война и Крым : сб. ст. / под ред. А. В. Мальгина. – Симферополь : Антиква, 2016. – 240 с.
2. ГАРК. Ф. 27, 142, 241, 661, 706.
3. ГАРК. Ф. 100, 101.
4. ГАРК. Ф. 212.
5. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 297.
6. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 299.
7. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 301.
8. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 302.
9. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 305, 331, 347.
10. ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 319.